

ПОСЛѢДНЯЯ ПОЛЬСКАЯ СМУТА.

Рассказы Очевидца.

1861 — 1864.

IV.')

Лидеръ.

„Камень, его же небрегоша аждудѣи—сей бысть во главу угла“.

Въ то время, когда въ бесплодной и безцѣльной борьбѣ кн. Горчакова съ крамолой осыпались, одинъ за другимъ, давры съ его сѣвостопольскаго вѣнца, столь дорого имъ прибрѣтеннаго; когда Сухованецъ истощался въ усиліяхъ „произвести обаяніе“ на жителей Варшавы, а между тѣмъ ссорился съ Велепольскимъ, писалъ стихи, рисовался передъ г. Ильею Арсеньевымъ, разѣзжалъ съ своими Кубанцами съ одного военнаго праздника на другой, писалъ неслыханные приказы о дисциплинѣ и старался, избѣгая строгихъ мѣръ, сохранить свою прежнюю военную репутацію; когда Герштенцвейгъ пустилъ себѣ двѣ пули въ голову послѣ неудачнаго вмѣшательства не въ свое дѣло, а графъ Ламбертъ, изнеможенный въ борьбѣ — вся тягость которой, по равнодушію и неумѣлости его „по-

') См. первые три рассказа Очевидца о Польской смутѣ 1861—1862 гг. въ «Русской Старинѣ» изд. 1874 г., томъ XI, стр. 115—150; 339—356; 699—721.

Въ предъидущемъ рассказѣ Очевидца въ «Русской Старинѣ» (изд. 1874 г., т. XI, стр. 706, по недосмотру типографіи, первая строка помѣщенная вверху текста первую—должна быть послѣднею на той-же страницѣ именно: (мали)новый и желтый цвѣта преобладали. По воскресеньямъ они проходили)... и т. д. какъ на 707-й стр.

Кстати исправимъ опечатку: вверху 769-й стр., т. XI-го, напеч.: «императрица Анна Леопольдовна», читай: «императрица Анна Іоанновна».

мошниковъ", пала на него одного,—скрытно уѣхалъ изъ Варшавы; въ это время, близъ Одессы, на берѣгу Чернаго моря, жилъ ветеранъ — генералъ Александръ Николаевичъ Лидерсъ, забытый всѣми почти шесть лѣтъ, но имя котораго, двѣнадцать лѣтъ назадъ, приобрѣло громкую извѣстность во время Венгерской кампаніи и было памятно Россіи въ 1855 и 1856 гг., когда Лидерсъ былъ главнокомандующимъ крымскою арміею послѣ князя Горчакова.

Лѣта не ослабили энергіи Лидерса; вся его сплоченая фигура выражала безстрашіе, рѣшимость и отвагу; сѣдые длинные усы на его коложавомъ и открытомъ лицѣ и густыя черныя брови придавали особую пріятную выразительность его умной и привлекательной физиономіи, а каждое движеніе свидѣтельствовало, что обожаемый русскимъ солдатомъ герой сознавалъ свое достоинство, привыкъ къ начальствованію и, въ случаѣ надобности, умѣлъ приказывать, никогда не повторяя разъ отданнаго приказанія.

Солдаты боготворили своего молодца-генерала и по его слову были готовы идти въ огонь и воду, и дѣйствительно, Лидерсъ олицетворялъ собою типъ русскаго боеваго начальника, какимъ были: кн. Багратионъ, гр. Милорадовичъ, Петръ Паленъ, Остерманъ-Толстой; скажемъ болѣе: Венгерская кампанія доказала, что Лидерсъ имѣлъ таланты для самостоятельныхъ дѣйствій, какъ замѣчательный полководецъ; онъ могъ бы назваться двойникомъ французскаго маршала Слюсе, герцога Альбужерскаго.

Венгерская кампанія 1849 г. разомъ выдвинула Лидерса изъ ряда русскихъ генераловъ и сдѣлала его имя извѣстнымъ во всей Россіи. Въ то время, когда три русскіе корпуса (2-й, 3-й и 4-й), съ множествомъ боковыхъ отрядовъ, подвигались черепашинымъ ходомъ къ Токаю, Лидерсъ, имѣя подъ командою всего 26 баталіоновъ, 16 эскадроновъ, 18 сотенъ казаковъ, при 56-ти орудіяхъ, а противъ себя 42,000 Венгерцевъ при 112-ти орудіяхъ, подъ командою одного изъ даровитѣйшихъ польскихъ генераловъ 1831 г.—Вема, Лидерсъ начинаетъ рядъ рѣшительныхъ наступательныхъ дѣйствій. Онъ взялъ съ боя Темешскій проходъ, въ Карпатскихъ горахъ, утвердился на сѣверной ихъ покатости, подаль руку двигавшимся въ Трансильванію отрядамъ: Гротенгельма, Устругова, Дааненберга, Гасфорта и Австрійцамъ Кламъ-Галласа; повсюду преслѣдовалъ Вема; предупреждалъ его покушенія на Кронштадтъ и Германштадтъ и, наконецъ, нанесъ ему рѣшительныя пораженія при Сегезварѣ и Мюлендорфѣ, принудилъ положить оружіе девятнадцать тысячъ непріятелей при 120-ти орудіяхъ,—и все это было сдѣлано въ два мѣсяца, съ 7-го іюня по 7-е августа 1849 г. Трансильванія была покорена: всѣ ея защит-

ники либо побиты, либо разсыяны, либо взяты въ плѣтъ, а раненный предводитель ихъ—Бемъ бѣжалъ въ Турцію.

Императоръ Николай I, при всей любви своей къ фельдмаршалу Паскевичу, отдалъ Лидерсу должное и выскзалъ милостями своего генерала.

Во время послѣдней войны, послѣ отбытія кн. Горчакова въ Варшаву, Лидерсъ, командуя крымскою арміею, съ 27-го декабря 1855 г. по день заключенія мира, успѣлъ привести въ порядокъ наши боевыя части, сильно пострадавшія при оборонѣ Севастополя, такъ что, по заключеніи перемирія, наши бывшіе непріатели удивлялись блистательному положенію крымской арміи.

Между тѣмъ съ самаго назначенія Сухожанета военнымъ министромъ, въ Петербургѣ начали ходить слухи о злоупотребленіяхъ, происходившихъ въ интендантствѣ крымской арміи; учреждена была слѣдственная коммиссія и наряженъ судъ; при этомъ дѣйстви слѣдственной коммиссіи нетолько огласились, но даже были напечатаны въ „Военномъ Сборникѣ“. На это послѣдовалъ печатный отвѣтъ и завязалась полемика, тѣмъ болѣе любопытная, что главное лицо, о дѣйствіяхъ котораго коммиссія слѣдственная не пришла еще къ заключенію, нашлось вынужденнымъ защищаться публично и въ довершеніе, въ органѣ военнаго министерства—„Русскомъ Инвалидѣ“.

Исходъ этого дѣла извѣстенъ: русская военная литература обогатилась нѣсколькими замѣчательными сочиненіями; но во время производства дѣла наброшена тѣнь на дѣйствія Лидерса; конечно это была молва, но, впрочемъ, скоро подтвердившаяся: 14-го августа 1856 г. Лидерсъ, прибывшій въ Москву по случаю правднествъ коронаціи, внезапно заболѣлъ и вскорѣ былъ уволенъ отъ командованія арміею.

9-го октября 1861 г. за Александромъ Николаевичемъ Лидерсомъ былъ посланъ изъ Ливадіи пароходъ, и старый царскій слуга явился на призывъ монаршаго довѣрія и вниманія.

Герою, прославившему русское оружіе, не было надобности, какъ то говорить г. Бергъ: „ждать или не ждать погоды“; онъ ждалъ своего часа и часъ его пробилъ.

Лидерсъ понималъ всю трудность своего положенія; состояніе края далеко ухудшилось, а Лидерсъ не имѣлъ той власти, которая была дана Горчакову, Сухожанету и Ламберту. Его назначеніе было временное, потому-что хотѣли сдѣлать послѣ того еще одну рѣшительную попытку къ умиротворенію Польши,—надъ чѣмъ усердно работалъ, находившійся въ Петербургѣ, маркизь Велепольскій; Лидерсъ былъ временно главнокомандующимъ арміею и исправлявшимъ долж-

ность намѣстника—ему приказано было стать грудью за все, что было ниспровержено въ теченіи бѣдственныхъ предшествовавшихъ девяти мѣсяцевъ безначалія, и Лидерсъ исполнилъ это назначеніе, онъ рѣшился— „стоять и умирать“ во славу государя и русскаго имени, не опустивъ глазъ и не преклонивъ головы передъ всѣми ужасами давней распущенности, не знавшей до сихъ поръ предѣла своимъ неистовствамъ.

Генераль Сухозанеть выслалъ двухъ своихъ приближенныхъ на встрѣчу, столь торжественно возвращавшемуся къ войскамъ, бывшему главнокомандующему крымскою арміею для того, что-бы ознакомить его съ ходомъ дѣлъ; но Лидерсъ не былъ новичкомъ въ дѣлѣ управленія и имѣлъ свой собственный планъ для дѣйствій.

Варшава приняла Лидерса печальнѣе, нежели Ламберта: костелы были заперты, не раздавалось привѣтнаго звона колоколовъ, управляющаго всею дневною жизнью истиннаго католика; ¹⁾ улицы были пусты; ихъ не оживляли толпы богомолковъ, спѣшившихъ съ молитвенниками въ костелы или изъ костеловъ; только угрюмыя мужскія фигуры, въ черномъ; сновали тамъ и сямъ, какъ бы для того, что-бы придать городу еще болѣе сумрачный видъ.

Лидерсъ прежде всего отвелъ душу среди войскъ, которыхъ давно и хорошо зналъ и умѣлъ на нихъ дѣйствовать. Подскакавъ къ фронту выведенныхъ на смотръ полковъ, главнокомандующій лихо съ ними поздоровался; обскакалъ ряды, благодарилъ за службу, надѣялся, что ихъ рвеніе и усердіе не ослабѣютъ, и приказалъ дать людямъ по чаркѣ водки, а потомъ объѣхалъ и осмотрѣлъ лагеря на площадяхъ; сдѣлалъ распоряженіе объ устройствѣ печей въ палаткахъ и объявилъ, что войска оставить эти лагеря только тогда, когда будетъ возстановленъ полный порядокъ.

Смотръ этотъ произвелъ на солдатъ самое благопріятное впечатлѣніе; молодецкая наружность главнокомандующаго, лихо ѣздившаго верхомъ, имъ необыкновенно понравилась, а его умѣнье приласкать и подбодрить нѣсколькими задушевными словами привело всѣхъ въ восторгъ. Солдатики, послѣ смотра сравнивая трехъ главнокомандовавшихъ: Сухозанета, Ламберта и Лидерса, перебивавшихъ въ Варшавѣ втеченіе полугода, отзывались такъ:

— „Одинъ все говорилъ, а водки не давалъ; ²⁾ другой — и не

¹⁾ Кромѣ благовѣста къ обѣдѣ и вечернѣ, втеченіе дня и ночи звонятъ на колокольняхъ, напоминая о наступившемъ часѣ молитвы, что строго исполняется.

Авт.

²⁾ Разъ Сухозанеть, во время дожда, долго говорилъ съ солдатами и, уѣзжая, молилъ: «дать людямъ водки, если не проспится». Заблгнстало солнце и водки не дали.

Авт.

говорилъ и водки не давалъ; ¹⁾ а третій, какъ увидѣлъ безпардонную армейскую пѣхоту, сначала закричалъ: „молодцы, дать имъ по чаркѣ водки, а потомъ заговорить“.

Въ первомъ дневномъ приказѣ предписывалось, что-бы ежедневно, во время смѣны карауловъ, музыканты поочереды играли передъ замкомъ. Всѣ были необыкновенно этимъ довольны; замокъ перестали называть Гаэтою; все оживилось, потому что замокъ лежитъ на самомъ бойкомъ мѣстѣ Варшавы, и почти каждый варшаванинъ и варшавянка не одинъ разъ перебиваютъ тамъ втеченіе дня.

Вмѣстѣ съ тѣмъ начался радъ мѣръ, по которымъ обратилось въ дѣло — слово и приказы прежнихъ намѣстниковъ. Лидерсъ требовалъ отъ своихъ подчиненныхъ дѣятельности и распорядительности и варшавская администрація запрыгала, какъ разорванные члены изрубленной лагушки подъ вліаніемъ дѣйствія гальванизма; но потомъ ея дѣйствія приняли систематическій характеръ.

Осадное положеніе возстановлено во всей своей строгости; никто не былъ изъятъ отъ законнаго взысканія за малѣйшее уклоненіе отъ предписанныхъ правилъ, которыя, надобно сказать, были весьма стрѣнительны, въ особенности въ вечернее и ночное время. Вечеромъ каждый долженъ былъ идти съ фонаремъ, что придавало городу фантастическій видъ, пріятный для зрителя, но не для дѣйствителя; послѣ полуночи движеніе прекращалось; ношеніе паловъ было мужчинамъ воспрещено; остановка болѣе чѣмъ трехъ на улицѣ — также, и полиція, столь спокойна почивавшая прежде, внезапно сдѣлалась бдительною и исполнительною.

Пѣніе у костеловъ передъ статуями Богоматери и святыхъ прервалось, потому что едва только толпы начинали собираться, на нихъ налетали казаки и безъ церемоній разогнали ревунровъ, а полиція хватала тѣхъ, которые бы вздумали упорствовать и барахтаться.

28-го октября ст. ст. 1861 г. приступлено къ аресту лицъ, наиболѣе выставившихся въ послѣднихъ безпорядкахъ; такъ взяты: Фердинандъ Новаковскій, фотографъ Бейеръ, еврейскій раввинъ Майзельсъ и три извѣстные еврейскіе проповѣдника. Все дрогнуло, чувствуя, что это только начало и первыя дѣйствія руки, твердо взявшей за кормило правленія.

А между тѣмъ намѣстникъ въ свободное время отъ дѣлъ ѣздилъ по городу одинъ, безъ конвоя, либо прогуливался пѣшкомъ, заходя въ магазины и очаровывая всѣхъ своею привѣтливостію.

¹⁾ Графъ Ламбертъ рѣдко являлся передъ войсками и не былъ говорливъ съ ними.

Первая острастка Варшавѣ была дана; манифестаціи прекратились; темные руководители мятежа попрятались, и, что-бы не сидѣть съ сжатými руками, принялись за сочиненія правильной организаціи для предстоящей открытой борьбы съ законною властію, при чемъ бѣлые и красные устраивали эти организаціи по своей фантазіи: дѣлили Польшу на воеводства; выбирали окружныхъ и повѣтовыхъ представителей; учреждали дирекціи и делегаціи—и все это быть можетъ осталось бы въ области мечтаній, если бы Лидерсъ довелъ до конца порученное ему дѣло.

Во главѣ делегаціи бѣлыхъ былъ варшавскій банкиръ, потомственный дворянинъ русской имперіи и кавалеръ ордена св. Владимира 3-й степени, Леопольдъ Кроненбергъ¹⁾; красные выставили противу него капитана Ярослава Домбровскаго, о которомъ слѣдуетъ разговориться.

Изъ всѣхъ тогдашнихъ повстанскихъ личностей наиболѣе выдавались два человека — капитаны Сѣраковскій и Домбровскій; это былъ „двойной ядовитый орѣшекъ подъ одною скорлупою“. Домбровскій избралъ мѣстомъ дѣйствія Варшаву и Царство Польское; Сѣраковскій оставался въ Петербургѣ для вербованія начальниковъ повстанскихъ бандъ, на случай предстоящаго восстанія въ Польшѣ и Литвѣ.

О Сѣраковскомъ поговоримъ послѣ. Что-жъ до его товарища, то Ярославъ Домбровскій былъ малаго роста, отчего у товарищей слылъ подъ названіемъ „локтика“ (Lokietek). Наружность его была невзрачная; фizioномія необыкновенно подвижная, а блѣдно-сѣрые глаза и черныя нахмуренныя брови придавали лицу его свирѣпое выраженіе. Трудно себѣ представить что нибудь неприятели улыбки Домбровскаго; говорилъ онъ громко, при чемъ сильно размахивалъ руками. Еще въ Петербургѣ Домбровскій сдѣлался дѣятельнымъ агитаторомъ между знакомыми офицерами. Въ одномъ польскомъ домѣ, у полковника русской службы, долго жившаго въ Варшавѣ и совершенно ополчившагося, собиралась польская военная молодежь для чтенія книгъ и разныхъ трактатовъ. — Сѣраковскій, путешествовавшій за границею, поддерживалъ связь заграничныхъ поляковъ съ русскими неопитами. По рукамъ въ Петербургѣ ходила статья Сѣраковскаго, подъ названіемъ: „Польскій вопросъ“; самъ Сѣраковскій готовился быть адъюнктомъ-профессоромъ военно-уголовнаго права. Домбровскій былъ наиблѣжайшимъ Лепорелло этого Донъ-Жуана ре-

¹⁾ Кроненбергъ получилъ эти отличія по усиленному ходатайству генерал-фельдмаршала графа Барга.

волюціи, внушая легковѣрнымъ юношамъ, что будущее освобожденіе Польши — торжество прогресса и цивилизаціи.

Туже пропаганду взялъ на себя Домбровский въ Варшавѣ; кромѣ того, при сборѣ делегацій, онъ громче всѣхъ кричалъ о необходимости открытаго возстанія, рассчитывая на содѣйствіе (!!) русскихъ войскъ. Въ его помутившемся воображеніи баталіоны и полки клали оружіе, а крѣпости открывали ворота при появленіи нѣсколькихъ сотенъ повстанцевъ.

Какъ ни искусно и хитро дѣйствовалъ Домбровский, но онъ въ послѣдствіи былъ схваченъ и посаженъ въ политическую тюрьму Варшавской цитадели, извѣстную подъ названіемъ 10-го павильона.

Для того, что-бы не отвлекаться — доскажемъ, упреждая время, исторію этого поборника революціи.

У Домбровскаго была хорошенькая любовница, на квартирѣ которой, безъ ея вѣдома, онъ спряталъ бумаги, могшія его сильно компрометировать. Домбровскаго это очень озабочивало, потому что грезило петлею или разстрѣляніемъ, и вотъ онъ обращается къ одному изъ старшихъ начальниковъ (дѣйствительно доброму и честному человѣку) съ просьбою, въ которой излагаетъ всю силу своей любви къ молодой дѣвушкѣ и проситъ позволенія обвиняться съ нею. Получивъ это прошеніе, долго думалъ добрый старикъ: онъ имѣлъ еще горячее сердце, зналъ и понималъ любовь; по его ходатайству разрѣшено было обвинять Домбровскаго съ его невѣстою въ одной изъ комнатъ 10-го павильона, въ присутствіи смотрителя и сторожей; послѣ обряда, новобрачную тотчасъ-же должны были отвезти домой, а новобрачнаго отправить въ его номеръ. Все это было довольно романтически, но при этомъ Домбровский сыгралъ замѣчательную штуку съ своими благодѣтелями. Давая брачный поцѣлуй, онъ втиснулъ въ ротъ своей женѣ (заранѣе объ этомъ предувѣдомленной) записочку, съ привязаніемъ сжечь бумаги, хранившіяся въ подушкѣ дивана ея подруги Огоновской. Это было исполнено. Полиція прибыла какъ разъ въ то время, когда догоралъ послѣдній лоскутокъ. Сообщница Домбровскаго заперлась и отъ ней не добились ни слова, а потому, не имѣя явныхъ уликъ, выслали ее въ городъ Семеновъ Нижегородской губерніи.

Судъ надъ Домбровскимъ тянулся долго и наконецъ онъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылке въ Сибирь, въ каторжную работу. Домбровский былъ отправленъ по назначенію, но бѣжалъ въ Москвѣ, заѣхалъ въ Семеновъ за женою, окончательно бѣжалъ съ нею во Францію, напечаталъ извѣстное письмо редактору

„Московскихъ Вѣдомостей“ и погибъ въ Парижѣ, начальствуя коммунистами.

Судя по Домбровскому, можно опредѣлить, каковы были его сотоварищи. Это были люди безъ опредѣленныхъ средствъ къ существованію и безъ будущности. За нѣсколько кружекъ пива и нѣсколько злотуевъ (пятиалтынныхъ) готовы они были убить перваго встрѣчнаго. Но съ Лидерсомъ шутить было нельзя, еще менѣе возможно было открытое сопротивленіе, и вотъ вожди мятежа, для того что-бы показать революціонерамъ свою дѣятельность, принялись за составленіе списковъ, для будущаго открытаго возстанія. Однако всѣ эти подземныя интриги вѣроятно бы заглохли, если бы Лидерсу не помѣшали исполнить до конца свое назначеніе и не встрѣтилось бы препятствій его дѣйствіямъ отъ постороннихъ вліяній. Лидерсъ могъ рассчитывать на вѣрный успѣхъ, потому что, вѣря въ свою силу, „бралъ, какъ говорится, вола за рога“ и управлялся-бы съ нимъ одинъ, если бы не являлись къ нему „помощники“, въ родѣ двоедушнаго архіепископа-митрополита Фелинскаго; а главное, если бы дѣйствія Лидерса не были превратно истолковываемы.

Вслѣдъ за арестомъ вожаковъ мятежа, Лидерсъ гровоно обратился къ капитулу и потребовалъ отчета, на какомъ основаніи были закрыты храмы въ Варшавѣ? Дерзкій отвѣтъ капитула повелъ за собою арестованіе администратора Бялобржесскаго и заключеніе его въ цитадель; а затѣмъ, несмотря на изворотливые отвѣты хитраго прелата, виновность его была обнаружена и военный судъ приговорилъ его, 9-го ноября ст. ст. 1861 г., „лишить духовнаго званія, ордена св. Анны 2-й степени и разстрѣлять“.

Намѣстникъ ограничилъ наказаніе Бялобржесскаго заключеніемъ въ Бобруйскую вѣршность на одинъ годъ.

Казалось бы, что эта строгая и справедливая мѣра должна была однако произвести окончательный разрывъ между папою и русскимъ дворомъ; въ этомъ влорядно увѣренъ былъ капитулъ, увлекавшійся личными страстями и совершенно позабывшій свое духовное призваніе; но не такъ отнесся къ этому глава католической церкви. Съ одной стороны—ему не хотѣлось разрыва, а съ другой — не могъ онъ не признавать преступности дѣйствій католическаго польскаго духовенства; сверхъ того, не менѣе ему прискорбно было, что храмы такого города, какъ Варшава, оставались нѣмы, осуждены были на запустѣніе, и съ высоты своихъ башенъ не разносили столь отраднаго для вѣрующихъ звона колоколовъ, а сами не оглашались службою Божіею.

Припомнимъ, что Лидерсъ пріѣхалъ въ Варшаву 24-го октября

ст. ст.; а менѣе чѣмъ черезъ мѣсяць, 21 ноября, не осталось и слѣдовъ печальнаго времени Сухозанета и Ламберта. Порядокъ былъ восстановленъ; власть приобрѣла прежнее уваженіе, потому что дѣйствовала твердо и послѣдовательно; партіи, сознавъ, временно, свое безсиліе, ограничивались мечтаніями, проектами и угрозами; все обѣщало въ будущемъ, что край успокоится и съ него будетъ сброшено столь долго тяготѣвшее надъ нимъ ярмо революціоннаго преобладанія.

Дѣятельно занимался этимъ новый намѣстникъ, работавшій съ неутомимою энергіею. Не ограничиваясь одною Варшавою, онъ послалъ довѣренныхъ лицъ въ губерніи, гдѣ общественное настроеніе, несмотря на разбѣды красныхъ и ихъ поджигательства, принимало видимо лучшій характеръ. Поле было готово, необходимо было засѣять его новыми, здоровыми сѣменами.

Но у Лидерса былъ антагонистъ, замаскировавшій свои честолюбивыя намѣренія усердіемъ къ пользѣ Россіи. Поемногу въ Петербургѣ осваивались съ мыслию, что Лидерсъ, какъ мужественный, твердый и рѣшительный воинъ, успокоитъ Польшу и доведетъ дѣло до прежняго *statu quo*; но что у него нѣтъ тѣхъ высшихъ административныхъ способностей, которыя необходимы для коренныхъ преобразованій; при чемъ предполагалось дать краю извѣстную степень самоуправленія и сдѣлать нѣкоторыя необходимыя уступки современнымъ требованіямъ.

Мысль эту выразилъ, развилъ и поддерживалъ одинъ изъ именитѣйшихъ по рожденію, богатству и образованію людей Польши — маркизъ Велепольскій, графъ Гонзаго-Мышковскій, который (какъ то показали его послѣдующія дѣйствія) считалъ себя мужемъ Провидѣнія для устройства будущихъ судебъ Польши. Правда, во время послѣдней смуты не разъ обращалось къ нему правительство, какъ къ человѣку совѣта и опыта; но всякое внимательство Велепольскаго въ общественныя дѣла портило и останавливало ихъ, показывая величайшую непопулярность маркиза въ краѣ, гдѣ у него были тысячи личныхъ непріятелей. Говорили даже, что онъ потому и применилъ къ правительству, что свои его не хотѣли, тогда какъ графъ Андрей Замоискій пользовался общимъ сочувствіемъ.

Велепольскому не впервые приходилось выжидать. Послѣ неудачной поѣздки въ Лондонъ съ дипломатическою цѣлью, въ 1831 году, отъ тогдашняго революціоннаго правительства, — Велепольскій оставался за границею и ждалъ своей поры; потомъ вернулся въ свои польскія помѣстья, поселился въ Пинчовѣ, выигралъ множество тяжбъ и потомъ, поступивъ на службу, занялъ одно изъ высшихъ правительственныхъ мѣстъ, тогда какъ его товарищи — выходцы 1831 года, —

оставались за границею, не имѣя надежды когда-либо возвратиться въ отечество.

Съ начала послѣднихъ безпорядковъ Велепольскій сдѣлался приближеннымъ и довѣреннѣйшимъ лицомъ князя Мих. Дм. Горчакова; онъ даже поселился въ замѣкъ, но дѣла мало оттого выиграли; когда-же мѣсто Горчакова заняли Сухозанетъ, Ламбертъ и снова Сухозанетъ, значеніе Велепольскаго начало падать; начались его прерѣванія и ссоры съ Сухозанетомъ; Ламбертъ оставилъ маркиза совершенно въ тѣни, а по возвращеніи Сухозанета въ Варшаву, Велепольскій, заведшій уже знакомства въ Петербургѣ, выѣхалъ туда изъ Варшавы, чувствуя, что при настоящихъ обстоятельствахъ ему тамъ дѣлать нечего, тогда какъ въ Петербургѣ онъ имѣлъ всю цѣну новости.

Дѣйствительно, въ Петербургѣ открылись для Велепольскаго всѣ салоны; повсюду въ высшихъ сферахъ начали говорить о государственныхъ способностяхъ маркиза, знаніи имъ края, его популярности и вліяніи на всѣ сословія.

Эти слухи и мнѣнія были ошибочны.

Велепольскій, по характеру, былъ мелочень, гонялся за подробностями, упуская изъ виду цѣлое; любилъ видѣть около себя родню и пресмыкающихся приближенныхъ; былъ завистливъ къ каждому постороннему успѣху, а главное былъ полюбкомъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова. Онъ смотрѣлъ на Россію, какъ на средство для возстановленія Польши, и фанатически былъ увѣренъ, что ему удастся это сдѣлать. При такихъ нравственныхъ качествахъ и такихъ тенденціяхъ трудно было заподозрить маркиза въ государственной мудрости; по крайней мѣрѣ повсюду государственные люди дѣлаются не изъ этого тѣста.

Что до знанія края, то событія показали, какъ Велепольскій мало зналъ свой край, современное положеніе дѣлъ и общее настроеніе; да и трудно ему было знать ихъ послѣ десятилѣтняго отсутствія и совершеннаго устраненія отъ общественной дѣятельности.

Велепольскій не только не имѣлъ популярности, но былъ ветерпимъ въ край и прежде всего за выигранные имъ семьдесятъ процесовъ, а главное за дѣло о библіотекѣ Свидзинскаго, которую онъ долго держалъ у себя вопреки волѣ завѣщателя и общаго желанія края.

Наконецъ Велепольскій не только не имѣлъ въ край какого-либо вліянія, но ему достаточно было пожелать что-нибудь или объявить себя въ пользу какого-либо начинанія, что-бы дѣло приняло неблагоприятный или несчастливый исходъ. Надменность и высокомеріе маркиза усугубляли общее къ нему нерасположеніе. Велепольскій былъ польскій магнатъ въ полномъ значеніи слова. Высокомерный и недо-

ступный для низшихъ, требовавший, что-бы, относительно къ нему, каждый, почти буквально, исполнял на дѣлѣ, что говорить всякій Полякъ при встрѣчномъ привѣтствіи: „падамъ до ногъ“, или „дѣлую ступки и подступки ясновельможнаго пана“ (т. е. упадаю къ ногамъ или дѣлую ступки и подошвы ясновельможнаго господина); съ высшими же лицами магнать польскій исполнить то же самое, только въ болѣе утонченной формѣ.—Оригинальность Велепольскаго въ Петербургѣ въ томъ именно болѣе всего и заключалась, что при своей медвѣжьей фигурѣ и наружности, напоминавшей цивилизованнаго Собакевича, онъ, ворча и какъ бы нехотя, склонялся передъ многими петербургскими авторитетами, стараясь и при этой напускной скромности сохранить народный оттъновокъ; а какъ польскіе магнаты и польскіе придворные чины считались тогда рѣдкостными птицами въ Петербургѣ, то и маркизъ Велепольскій былъ тамъ замѣченъ, какъ рѣдкій звѣрь.

Съ 1848 года, т. е. съ начала своего сближенія съ правительствомъ, Велепольскій преслѣдовалъ одну идею — сдѣлать изъ Польши аристократически-консервативное государство съ необходимою автономією, для того, что-бы Польша, опираясь на Россію, была представительницею славянской цивилизаціи въ европейской семьѣ государствъ; русскіе же должны были помогать Велепольскому спокойно строить это зданіе, вынося на себѣ въ настоящее время всю ярость разбушевавшихся стихій будущей революціи.

Но, *erga humanum est*; какъ увидимъ послѣ, съ приѣзда Велепольскаго въ Варшаву, польское общество оттолкнуло его отъ себя; родственники и прихлебатели (*pieśniarze*) не могли замѣнить среды людей, отъ него отказавшихся; революціонеры рѣшились извести его и вскорѣ Велепольскій долженъ былъ ѣздить подъ конвоемъ жандармовъ. Обстановка, не соответствующая званію народнаго трибуна, какимъ думалъ быть гордый маркизъ.

Ненависть революціонеровъ къ Велепольскому была чисто личная; они вовсе не считали его опаснымъ для своихъ замысловъ; у нихъ неоставало рѣшимости — оставить его въ покоѣ, какъ сдѣлалъ знаменитый Валленштейнъ, взявъ, въ 1633 году, подъ Штейнау, въ плѣнъ графа Турна; онъ выпустилъ его на свободу и писалъ императору: „вѣрьте, ваше величество, что графъ Турнъ, начальствуя неприятельскими войсками, будетъ, по неспособности своей, намъ гораздо полезнѣе, нежели находясь въ заключеніи“.

Въ декабрѣ 1861 года Польша видимо начинала успокоиваться. Лидеръ дѣйствовалъ съ большимъ тактомъ, умно, твердо и рѣшительно; выслушивая благосклонно всѣхъ, онъ одинъ приводилъ въ

исполненіе зрѣло-обдуманнаго предначертанія, требуя отъ подчиненныхъ, что-бы каждый изъ нихъ былъ на своемъ мѣстѣ и дѣлалъ свое дѣло. Всѣ были довольны успѣхомъ порядка и законности, а потому и полагали, что теперь наступило для Царства Польскаго время коренныхъ преобразованій. Царскій братъ, облеченный полномочіемъ, долженъ былъ осуществить ихъ; мнѣніе же петербургскаго высшаго круга остановилось на маркизѣ Велепольскомъ, заслуги котораго, будто-бы не были достаточно оцѣнены предшествовавшими намѣстниками.

Необходима еще замѣтка о томъ, почему Велепольскій не могъ искренно служить интересамъ Россіи.

У каждаго народа есть свой типъ; представители его: Гамлетъ у Англичанъ, Донъ-Кихотъ у Испанцевъ, Баярдъ у Французовъ, Фаустъ у Нѣмцевъ, — каждая изъ этихъ личностей, выражая свой народъ, очерпаетъ начало въ доблести, благородствѣ и торжествѣ истинны надъ увлеченіями и страстями. Идеаль Поляковъ имѣеть страстное и преступное начало: они возвели жмѣнну въ типъ высочайшей любви къ отечеству. У нихъ идеаль польскаго героя — Конрадъ Валенродъ, принятый рыцарями Литвинъ, который достигаетъ званія гроемейстера у меченосцевъ и ведетъ ихъ армію на погибель въ Литву, гдѣ она дѣйствительно и погибаетъ.

Вглядываясь въ характеръ большихъ и малыхъ дѣятелей въ послѣдней польской смутѣ, видимъ, что всѣ эти Огрызки, Сѣраковскіе, Домбровскіе и tutti quanti принадлежать къ одному пошибу и къ одной семьѣ... Ложно-понимаемая идея отечества оправдываетъ для нихъ всѣ средства.

Маркизъ Велепольскій, по уму и общественному положенію, былъ выше этой арой толпы, для которой не было ничего святаго; но плоть и кровь говорили въ немъ вопреки желанія; а духъ, Конрада Валенрода вѣялъ надъ правителемъ гражданской части въ Царствѣ Польскомъ. Еще прямая дѣятельность Велепольскаго не опредѣлилась, а эти вѣянія начали оказывать неблагоприятное вліяніе на ходъ дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ.

Открытіе варшавскихъ костеловъ было насущнымъ вопросомъ: разрѣшеніе его было сдѣлано помимо графа Лидерса, единственно подъ вліяніемъ Велепольскаго.

Костелы предполагалось открыть новому архіепископу, долженствовавшему замѣстить умершаго Фіалковскаго. Выборъ лица для этого сана былъ дѣломъ величайшей важности. Въ Польшѣ, Литвѣ и Петербургѣ находились старые католическіе епископы, извѣстные своею преданностію правительству; но ихъ считали мало способными для управленія варшавскою паствою. Велепольскій начиналъ тогда

быть оракуломъ по дѣламъ Царства Польскаго — естественнѣе всего было спросить его мнѣнія, и онъ, подъ влияніемъ ревельскаго пробоща, а потомъ августовскаго епископа, графа Константина Лубенскаго,¹⁾ остановилъ вниманіе на профессорѣ католической академіи въ Петербургѣ—Сигизмундѣ Щенскомъ-Фелинскомъ, человѣкѣ молодомъ, доселѣ извѣстномъ своими повстанскими и романтическими похождениями и нѣкоторымъ знаніемъ богословскихъ наукъ и литературы. Извѣстности Фелинскаго много способствовало то, что любимый польскій поэтъ, Словацкій, былъ его другомъ и умеръ у него на рукахъ.

Фелинскій былъ чистокровный повстанецъ: отецъ его умеръ въ Сибири; мать побывала въ Березовѣ; изъ притязаній на славу у будущаго митрополита-архіепископа было одно наиважнѣйшее — дядя Фелинскаго написалъ „*Boze są Polskie*“. Самъ Фелинскій, окончивъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, проѣздомъ въ Парижъ, присталъ въ 1848 году къ шайкѣ Мирославскаго, былъ раненъ палашемъ въ голову подъ Милославомъ и, по прибытіи въ Парижъ, завербовался въ число „золотой молодежи“, дурачился, писалъ любовные стихи, волочился и дѣлалъ всевозможныя эксцентричности; скоро однако пресыщеніе послѣдовало за этою кипучею и безпорядочною молодостію. Фелинскій усталъ, охладѣлъ къ удовольствіямъ свѣта, возвратился въ Россію и поступилъ въ житомирскую семинарію, а по окончаніи курса наукъ поступилъ въ петербургскую академію, гдѣ митрополитъ Головидскій, извѣстный іезуитъ и патриотъ, вывелъ его въ профессоры и духовники академіи.

Несмотря на университетское образованіе и жизнь за границею, а также посѣщеніе высшаго общества, Фелинскій не имѣлъ ни манеры, ни наружности, соответствовавшихъ его новому званію, и составлялъ рѣзкій контрастъ съ своимъ покровителемъ Головинскимъ, который могъ назваться красивѣйшимъ мужчиною, какъ-бы сошедшимъ съ картины Павла Веронеза „Бракъ въ Канѣ Галилейской“. Фелинскій былъ коренастъ, плечистъ, съ самою обыкновенною и, можно сказать, простоватою фізіономіею; носъ у него былъ „старопольскій“ — толстый, широкій и приподнятый кверху; вся фигура новаго архіепископа напоминала не верховнаго сановника церкви, а деревенскаго ксендза пробоща.

По словамъ Н. В. Берга: „Его (Фелинскаго) свѣтское, до извѣстной степени, повстанское прошедшее было болѣе или менѣе извѣстно всѣмъ; равно былъ извѣстенъ всѣмъ и его повстанскій антуражъ“..... „Все это какъ-бы обѣщало повтореніе временъ Фіалковскаго, но Фіал-

¹⁾ Былъ высланъ въ Россію и умеръ послѣ дороги.

ковскаго съ талантами, умнаго, тонкаго, пережитрившаго всѣхъ старыхъ лисицъ въ фіолетахъ“.

При подобныхъ качествахъ Фелинскаго, выборъ Велепольскаго нельзя назвать счастливымъ.

Если, указывая на Фелинскаго, Велепольскій хотѣлъ угодить революціонной партіи, то онъ забывалъ, что революціонеры никогда не прощаютъ перебѣжчиковъ изъ ихъ лагеря.

Вѣлые могли имѣть на него плохую надежду, какъ на бывшаго повстанца, наслѣдовавшаго отъ отца и матери ихъ политическія близорукія убѣжденія.

Духовенство, оставшееся вѣрнымъ своему священному призванію, не могло сочувствовать другу Словацкаго и разгульному товарищу кружка „золотой молодежи“, увлекавшемуся до самозабвенія прелестями грѣховнаго міра; а революціонное духовенство находило Фелинскаго слишкомъ слабымъ и нерѣшительнымъ.

И такъ, первымъ дѣломъ непопулярнаго Велепольскаго была рекомендація непопулярнаго же Фелинскаго; влослѣдствіи этого не забыли маркизу.

Какъ бы то ни было Фелинскій былъ избранъ и утвержденъ папою; 14-го января ст. ст. 1862 года посвященъ въ архіепископы-митрополиты и отправился въ Варшаву окольною дорогою, черезъ Познань, для свиданія съ архіепископомъ Львовскимъ и принатія благословенія отъ архіепископа Пржилусскаго.

Фелинскій съ самаго начала хотѣлъ повести себя совершенно независимо отъ намѣстника, и не нашелъ нужнымъ ему представиться и согласиться о предстоящемъ образѣ дѣйствій; онъ объѣхалъ Варшаву и со стороны австрійской границы прибылъ въ Ченстоховъ 8-го февраля н. ст. 1862 года; совершилъ тамъ объѣздъ и предполагалъ остаться тамъ долѣе для уединенія и молитвы. Но Лидерсъ понималъ къ чему ведутъ эти замедленія и 9-го февраля н. ст. послалъ ему „приглашеніе“ прибыть тотчасъ же въ Варшаву.

Это окольное путешествіе вокругъ Царства Польскаго, гдѣ прежде всего ожидали митрополита-архіепископа его прямыя обязанности, уже набрасывало тѣнь на его будущія отношенія къ власти. Затѣмъ съ перваго раза начался рядъ загадочныхъ дѣйствій архіепископа. Фелинскій, прибывъ въ Варшаву, не поѣхалъ прямо къ намѣстнику; но отправился къ себѣ домой, собралъ капитулъ и духовенство, далъ обѣщаніе объ освобожденіи Бялобржесскаго, назначилъ себѣ помощникомъ ксендза Ржевускаго, а потомъ прибылъ въ замокъ.

Намѣстникъ успѣлъ узнать въ средѣ варшавскаго католическаго духовенства ксендза Зволынскаго, какъ человѣка преданнаго

исполненію своего прямого долга, умѣвшаго поддержать достоинство религіи въ самое смутное время и ни разу не дозволителю осквернить свой костелъ на Прагѣ ревомъ революціонныхъ цѣсенъ. Лидерсъ предложилъ Фелинскому избрать въ помощники Зволинскаго ¹⁾ и спокойно принялъ извѣстіе о назначеніи въ ту же должность Ржевускаго. Твердо и рѣшительно объявилъ онъ митрополиту свою волю—объ открытіи костеловъ; устоялъ противу интригъ о признаніи профанаціи ихъ; объявилъ, что „безъ надобности“ ни войска, ни полиція не будутъ призваны, и, несмотря на волненія между красными, подбрасываемые памфлеты и каррикатуры, костелы открылись въ совершеннѣйшемъ порядкѣ, несмотря на необозримыя толпы народа.... Торжество было бы полное, но архіепископъ испортилъ его своими рѣчами. Послѣ своего, долго сочиняемаго и плохо сказаннаго, слова „архіепископъ, какъ замѣчаетъ г. Бергъ, чувствовалъ, что онъ еще не архіепископъ, не пастырь для паствы; что между нимъ и паствой цѣлая пропасть!“

Дальнѣйшія дѣйствія Фелинскаго можно было предвидѣть. Не зная на какую ногу стать тверже, онъ началъ балансировать (да, именно балансировать) между своими обязанностями къ правительству, столь незаслуженно его высказавшему, и своими сочувствіями къ революціонерамъ: послѣ запрещенія пѣть гимны въ костелахъ, онъ разрѣшилъ молитвы за пять жертвъ; вошелъ въ переписку съ папою и огласилъ его письмо въ иностранныхъ гаветахъ; онъ даже хотѣлъ идти путемъ Фіалковскаго и Бялобржесскаго и осмѣлился грозить, что снова закроетъ костелы; но Лидерсъ былъ не такой человекъ, что-бы дозволить сдѣлать это. Угрозы остались выраженіемъ бессильной злобы новаго Конрада Валенрода въ епископской сутанѣ.

Все это, конечно, произошло отъ того, что царскому намѣстнику не было сообщено предварительно о выборѣ Фелинскаго, что самый этотъ выборъ совершился подъ вліяніемъ Велепольскаго, весьма холодно отнесшагося къ этому дѣлу; съ своей стороны Фелинскій возмечталъ, что, при поддержкѣ въ Петербургѣ, онъ можетъ дѣйствовать независимо отъ намѣстника.

Несмотря на эти препятствія и внезапно возникшія трудности, отрадно было видѣть постоянство и настойчивость Лидерса въ дѣлѣ умиротворенія края. По открытіи костеловъ, онъ настойчиво принялся за преслѣдованіе революціонной партіи. Какъ ни неискусна и ни мало-свѣдуща была наша полиція, но рядъ репрессивныхъ мѣръ показы-

¹⁾ Доказательствомъ вѣрности выбора служить то, что, по удаленіи Фелинскаго и Ржевускаго изъ Варшавы, Зволинскій былъ назначенъ управлять варшавскою епархіею, и до сего дня исполняетъ съ честію эту должность.

валъ, что она нашла на истинный слѣдъ причины беспорядковъ. Запрещенъ былъ ввозъ заграничныхъ газетъ; открыты типографин, гдѣ въ Варшавѣ печатались періодическіе революціонные листки; получено вѣрное свѣдѣніе о революціонной организаціи края; начали производиться домовые обыски, арестованы главнѣйшіе злоумышленники, а менѣе виновные, но подозрительные, вывезены изъ края.

Революціонеры дрогнули, сдѣлались тише, отказались отъ манифестацій, хотя все еще сознавали свою силу, но боялись энергическаго боеваго генерала, который прямо шелъ на всякую опасность и топталъ, какъ змѣй, всѣхъ, не повинующихся законной власти.

Карая виновныхъ и отнимая у мятежа всѣ средства, намѣстникъ пользовался всѣми случаями показать населенію, что мѣры строгости были мѣрами временными и то для непокорныхъ. Съ водворившимся порядкомъ облегчено осадное положеніе разрѣшеніемъ ходить безъ фонарей; пивныя лавки—эту жизненную потребность каждаго варшавскаго ремесленника—разрѣшено оставлять отпертыми до 10-ти часовъ вечера; 18-го февраля 1862 года помиловано 43 государственныхъ преступника и наконецъ прощенъ Бялобржесскій.

Эта блѣдная тѣнь безпѣтнаго Фіалковскаго имѣла минутное утѣшеніе отслужить обѣдню при необыкновенномъ стеченіи народа; попробовали при этомъ заревѣть революціонные пѣсни, но полиція не обратила на это вниманія.¹⁾

Въ разсказѣ Н. В. Берга встрѣчается выдержка изъ романа: „Swiatło i Cienie“ (Свѣтъ и тѣнь) о вербованіи шаекъ въ Варшавѣ; хотя этотъ романъ основанъ на историческихъ данныхъ, но въ сущности это—романъ и въ немъ много преувеличеній; безспорно одно, что революціонеры не оставляли своего дѣла и работали втайнѣ; они видѣли въ Лидерсѣ помѣху своимъ замысламъ; по увѣреніямъ Домбровскаго, они надѣялись найти сочувствіе въ нашихъ войскахъ въ случаѣ возстанія, а при неудачѣ—готовы были покуситься на жизнь Лидерса; но все это были только мечтанія и онѣ остались бы мечтаніями, но нѣкоторыя изъ этихъ фантазій осуществили обстояательства даже помимо воли Велепольскаго.

Лидерсѣ былъ приглашенъ въ Петербургъ и принять весьма милостиво; онъ остановился въ Зимнемъ дворцѣ, пользовался высо-

¹⁾ Н. В. Бергъ говоритъ: «Намѣстникъ, подъ вліяніемъ архіепископа и нѣкоторыхъ указаній изъ Петербурга, гдѣ начинала уже сіять звѣзда Велепольскаго и ея лучи пробивались сквозь туманъ и непогоды, носившіеся надъ Варшавой, рѣшился испробовать введеніе кое-какихъ мягкихъ мѣръ».... Можемъ увѣрить, что Фелинскій не виѣлъ на Лидерса ни малѣйшаго вліянія,—все исходило прямо отъ намѣстника.

чайшимъ вниманіемъ и съ свойственною ему, какъ доблестному воину, простотою, принималъ всѣхъ его знавшихъ или служившихъ подъ его начальствомъ. Высшія правительственныя лица также вспомнили о бывшемъ главнокомандующемъ крымскою арміею; въ числѣ ихъ былъ и Сухованетъ; но при всей своей добротѣ Лидерсъ холодно принялъ бывшего намѣстника „ad interim“.

По возвращеніи Лидерса изъ Петербурга открыты были театры; въ началѣ ихъ мало посѣщали, боясь мести красныхъ; но вскорѣ страсть варшавянянъ и въ особенности варшавянокъ къ зрѣлищамъ взяла верхъ надъ угрозами „непримиримыхъ“; театры начали скоро наполняться публикою; да и можно-ли было отказаться отъ наслажденія видѣть геніальнаго Жуковскаго, неподражаемаго и незамѣнимаго Пончуковскаго, Круликовскаго, Рихтера, Островскаго и такую симпатичную артистку, какъ Бакаловичъ. Столь извѣстный варшавскій балетъ ожилъ; опера также; намѣстникъ, послѣ дневныхъ трудовъ, отдыхалъ въ театрѣ и въ антрактахъ дѣлалъ въ ложахъ визиты своимъ знакомымъ.

Между тѣмъ наступила ранняя весна, и рѣдко можно было наслаждаться такою чудесною, какъ весна 1862 года. Саксонскій и Красинскій сады были открыты для публики; въ концѣ марта и началѣ апрѣля всѣ городскіе сады и садики были постоянно полны „пирующихъ гостей“; всѣ какъ-будто желали вознаградить себя за потерянное время и насладиться настоящимъ. Въ замкѣ также освѣжили старинныя залы, едва очищенныя послѣ стоянки въ нихъ войскъ при князѣ Горчаковѣ. Вскорѣ Варшава узнала, что въ замкѣ готовится балъ, передъ которымъ будетъ спектакль любителей. Въ спектаклѣ принимали участіе: дочь намѣстника, двѣ его племянницы и адъютанты. Давали французскую и русскую пьесы. Число приглашенныхъ было громадное; тутъ находились и Русскіе, и Поляки. Въ русской пьесѣ, вмѣсто бывшихъ водевильныхъ куплетовъ, сочинены были новыя покойнымъ Аммосовымъ (бывшимъ адъютантомъ Лидерса), примѣненные къ современнымъ обстоятельствамъ.

Спектакль и балъ, подъ чарующіе звуки оркестра Левандовскаго, были чудесны и составили истинное событіе для Варшавы, погруженной до того въ мертвенную тишину; самый замокъ перестали называть Гаэтой, какъ окрестили его послѣ первыхъ манифестацій.

Варшава начинала принимать свой обычно-праздничный видъ, хотя революціонеры работали втайнѣ; никто не думалъ о какой-либо перемѣнѣ; положеніе намѣстника казалось вполне прочнымъ, какъ вдругъ, въ концѣ апрѣля 1862 г., разнеслась по Варшавѣ вѣсть, что изъ Петербурга прибыло довѣренное лицо для объявленія Ли-

дерсу, что вмѣсто него назначается Его Императорское Высочество Великий Князь Константинъ Николаевичъ, а начальникомъ гражданскаго управленія въ царствѣ будетъ маркизъ Велепольскій, прибывающій съ разными льготами для края.

Только бывшіе тогда въ Варшавѣ могутъ дать настоящее понятіе объ оживленіи города, при распространеніи слуха, что Полякъ Велепольскій станетъ во главѣ гражданскаго правленія. Власть намѣстника утратилась какъ бы волшебствомъ; все, что могло, старалось показать полиціи, что она перестала уже быть страшною; началось пѣнье патриотическихъ гимновъ передъ костелами; въ особенности многочисленно было собраніе на Лешно, и казакамъ пришлось разгонять пѣвцовъ; снова появились въ продажѣ запрещенныя карточки, а въ окнахъ магазина Гебетнера и Вольфа, на Краковскомъ предмѣстїи, была выставлена довольно большая картина, изображавшая маркиза Велепольскаго верхомъ на конѣ, съ сверткомъ въ рукахъ, въ положеніи статуи Іоанна Собіесскаго на мосту Лазенковскаго пруда. Подъ ногами поднявшейся на дыбы лошади Собіесскаго — Велепольскаго, лежали, вмѣсто двухъ Турокъ, директоры правительственныхъ комиссій Царства Польскаго К. и Г. Картины были литографированы, кажется, за границею.

Помнимъ разговоръ въ Варшавѣ передъ выставленною литографіею и передаемъ его буквально; говорили ремесленники и учитель какой-то народной школки:

— „Что это сдѣлалось съ нашимъ почтеннымъ королемъ Иваномъ? Вмѣсто шлема, онъ надѣлъ цилиндръ; вмѣсто вольчуги—фракъ и сидитъ на конѣ, какъ воробей на крышѣ?“

— Видишь, брацншку, отвѣчалъ школьный учитель—это какой-то баринъ усѣлся на королевскаго коня и общается краю новыя вольности.

— „Ишь какой хитрый — далеко ему до короля Ивана, какъ ласточкѣ до орла; ну а тѣ Турки, для чего они сдѣлались изъ Турокъ цивилинными?“

— Видишь, мое сердце, оттого, что они поступили въ русскую службу... Бѣдный король Иванъ, мало натерпѣлась его статуя при Станиславѣ Понятовскомъ.¹⁾

¹⁾ Станиславъ Понятовскій поставилъ этотъ памятникъ Собіесскому, израсходовавъ на то 100,000 польскихъ злотыхъ. Сумма ничтожная, потому что памятникъ былъ сдѣланъ изъ гипсу. Въ день открытія Станиславъ Понятовскій, во время обѣда, нашель у себя подъ салфеткою слѣдующіе стихи:

Sto tysięcy kosztuje, jab dwiestie dołożył

Zeb Stanisław skamieniał a Jan Sobiesky ożył.

(Онъ стоитъ сто тысячъ, я бы прибавилъ двѣсти, для того, что-бы Станиславъ окаменѣлъ, а Янъ Собіесскій ожилъ).

Авт.

Таково было послѣдствіе выставленія политической каррикатуры въ честь Велепольскаго.

Съ тою же покорностію, съ какою принялъ Лидерсъ свое назначеніе въ намѣстники, принялъ онъ извѣстіе о предстоящихъ измѣненіяхъ и 29-го мая (10-го іюня) 1862 г. объявилъ объ этомъ членамъ государственнаго совѣта Царства Польскаго, а спустя три дня, передалъ прибывшему изъ Петербурга Велепольскому гражданское управленіе.

Велепольскій, съ перваго шага, показалъ, что онъ долго ждалъ своего часа и хочетъ насладиться властію. Онъ началъ съ Евреевъ вѣроятно потому, что они называли себя поляками, еврейскаго происхожденія — Евреи получили всевозможныя льготы; отношенія же свои въ Лидерсу выразилъ онъ въ рѣчи, произнесенной въ комиссіи внутреннихъ дѣлъ, гдѣ, какъ рассказываетъ г. Бергъ, сказалъ между прочимъ: „Все, сообщенное мною теперь, раздѣляетъ имѣющей прибыть сюда Намѣстникъ, со дня на день съ большимъ и большимъ нетерпѣніемъ ожидаемый“.

Какъ въ этихъ словахъ видѣтъ надменный и самонадѣянный Велепольскій! Въ Варшавѣ находится еще царскій намѣстникъ, успокоившій, по возможности, край, твердо и мудро управлявшій имъ съ октября 1861 по іюнь 1862 года, т. е. восемь мѣсяцевъ; но для Велепольскаго — этотъ достойный воинъ — только русскій генералъ, безъ высшей административной интеллигенціи; генералъ, который долженъ отвѣчать за всякій беспорядокъ, предоставивъ маркизу всю власть по внутреннему управленію.

Маститый воинъ, сильный чувствомъ своего долга, желалъ передать новому намѣстнику край возможно упорядоченный и успокоенный. Не отступая ни на шагъ отъ своихъ обязанностей, онъ не хотѣлъ, даже и при концѣ своей власти, дѣлать поправки и мирволить кому бы то ни было.

14-го іюня 1862 г. Лидерсъ подписалъ смертный приговоръ офицеровъ 4-го¹⁾ стрѣльцоваго батальона Арнгольда и Сливницкаго и унтеръ-офицера Ростовскаго, пытавшіеся совратить рядовыхъ того-же батальона распространеніемъ между ними запрещенныхъ сочиненій. Солдаты отвергли эти наущенія, и потомъ, въ слѣдующемъ году, отлично дрались противу повстанцевъ.

На другой день, 15-го (27-го) іюня 1862 г., отдѣленіе Савсонскаго сада, гдѣ пьютъ минеральныя воды, было полно гуляющими. Лидерсъ прибылъ туда, по обыкновенію, въ 7¹/₂ часовъ утра, совершенно одинъ;

¹⁾ У г. Берга ошибочно сказано: 6-го стрѣльцоваго батальона.

полицейскіе, по его приказанію, держались далеко. Скрестивъ руки за спиною, Лидерсъ началъ обычную прогулку; онъ былъ задумчивъ; вдругъ привычный слухъ его поражаетъ щелканье взводимого курка и вслѣдъ затѣмъ раздался выстрѣлъ — пуля пролетѣла по за-челюстью и остановилась въ передней ея части. Лидерсъ, къ ужасу и удивленію всѣхъ, не повернулъ головы; онъ только зажалъ рукою рану и громко сказалъ: „Подлецъ — стрѣлялъ въ спину“. Всѣ съ участіемъ бросились къ раненому (и этимъ только можно объяснить исчезновеніе преступника); но герой трансильванскій не принялъ ни отъ кого помощи, — какъ раненый левъ, перешелъ онъ одинъ весь Самсонскій садъ и улицу (около $\frac{1}{2}$ версты) и, войдя въ квартиру генерала Хрулева, гдѣ теперь охотничій клубъ, позволилъ сдѣлать себѣ первую перевязку; но какъ оставшаяся пуля производила страшную боль, то вызванъ былъ изъ Берлина докторъ Лаугенбекъ; пуля была имъ вынута, воспалительное состояніе миновалось и больной почувствовалъ себя легче.

Спустя много лѣтъ, намъ пришлось слышать разсказъ свидѣтеля, польскаго ветерана 1812 года, объ этомъ страшномъ событіи:

— „Лидерсъ“, говорилъ онъ, „получивъ рану, шелъ спокойно, неторопливымъ шагомъ, ровно, не ускоряя и не замедляя своего хода; кровь пробивалась у него между пальцами руки и текла ручьями по его сюртуку. Онъ былъ гровно-спокоенъ и чудесно-хорошъ въ это время. За нимъ, издали, двигалась толпа, не смѣвшая къ нему подступиться; женщины плакали; мужчины шли съ потупленными глазами; намъ всѣмъ было стыдно, что проливается благородная кровь высочестнаго и неустрашимаго человѣка... Кровь эта пала на насъ и дѣтей нашихъ“.

У насъ пишутъ для солдатъ разсказы изъ армейскаго быта, поясняя ихъ рисунками; желаемъ отъ души, что-бы даровитый художникъ воспроизвелъ благородныя черты нашего истинно-боеваго генерала Александра Николаевича Лидерса для того, что-бы память его жила въ русской арміи.

Подобные люди достойны жить въ памяти потомства:

Рука убійцы положила конецъ намѣстнической дѣятельности Лидерса; кровію запечатлѣлъ онъ свою любовь и преданность Государю и Отечеству, исполнивъ, сколько было въ его силахъ, возложенное на него порученіе, и доказавъ мощь Россіи и силу ея въ борьбѣ съ ея врагами.

Для того, что-бы вполне оцѣнить заслуги Лидерса, необходимо вспомнить, въ какомъ положеніи находилось Царство Польское со времени первой открытой манифестаціи, 8-го (20-го) февраля, по день прибытія Александра Николаевича Лидерса въ Варшаву, 24-го

октября (6-го ноября) 1861 года. Девять мѣсяцевъ край находился въ постоянномъ революціонномъ движеніи; законная власть была бессильна; красные деспотически управляли краемъ, посредствомъ террора; бѣлыя осмѣливались являться съ проектами и предложеніями; храмы въ Варшавѣ были закрыты; а совершившіе это — капитулы, Бялобржескій и духовенство безнаказанно торжествовали свою побѣду.

Царскіе намѣстники смѣнялись съ изумительною быстротою. Князь Горчаковъ не только втеченіе четырехъ мѣсяцевъ (съ 8-го февраля ст. ст. по 17-е мая 1861 г.) не могъ сладить съ варшавскою чернію, студентами и гимназистами, — но изнемогъ въ этой борьбѣ и далъ возможность мятежникамъ сознать свои силы. Мерхилевичъ (съ 16-го по 19-е мая), занявъ должность князя Горчакова, сдалъ черезъ три дня свою команду не въ должномъ порядкѣ, хотя и грозилъ разрушителямъ общественнаго спокойствія. Сухозанеть, остававшійся около трехъ мѣсяцевъ (съ 14-го мая по 11-е августа), окончательно уронилъ значеніе русской власти и далъ возможность крамолѣ разлитися по всему царству. Графъ Ламбертъ (съ 11-го августа по 14-е октября), въ два мѣсяца сдѣлалъ многое для будущей организаціи края; вступилъ въ открытую борьбу съ революціею, но палъ жертвою соперничества и интригъ своихъ ближайшихъ помощниковъ. Для полнаго одержанія успѣха, нужно было, кромѣ способностей, закаленное въ бояхъ и лишеніяхъ войны желѣзное здоровье, а имъ не могъ похвастать Ламбертъ, имѣвшій, кромѣ того, нервическую и впечатлительную натуру. Послѣ него еще разъ промелькнула измощенная фигура Сухозанета, не имѣвшаго на этотъ разъ цѣны оригинальности; наконецъ, послѣ пяти намѣстниковъ, смѣнявшихъ одинъ другаго втеченіе девяти мѣсяцевъ, является, 24-го октября 1861 года, Лидерсъ и управляетъ Царствомъ Польскимъ по 15-е июня 1862 года, т. е. восемь мѣсяцевъ.

Любопытнѣе всего, что Лидерсъ имѣлъ подъ начальствомъ, какъ исполнителей, тѣхъ-же самыхъ людей, какіе были у его предшественниковъ, но онъ заставилъ ихъ безотговорочно исполнять свои приказанія и дѣйствовать единодушно. У него не было совѣтниковъ; его не смѣли переспрашивать объ одинъ разъ отданномъ приказаніи. Безстрашный Хрулевъ, столь говорливый съ прежними намѣстниками, сомкнулъ свои уста передъ Лидерсомъ и сдѣлался точнымъ исполнителемъ его приказаній.

Революціонеры видѣли, что Лидерсъ заслонилъ имъ дорогу и рѣшились на убійство.

Царская милость взыскала Лидерса — онъ былъ сдѣланъ графомъ. Варшава помнила, и, можемъ увѣрить, еще помнить молодца-гене-

рала съ юношескимъ лицомъ и сѣдыми усами, о которомъ можно было сказать, что въ дружеской бесѣдѣ

Любить онъ звонъ рѣчей,
Любить онъ блескъ очей;
Любить онъ ласки,
Нѣжные глаза.

Да, Лидерсъ былъ истинный военачальникъ по храбрости, находчивости и распорядительности, и достойный правитель по рѣшимости, постоянству и благоразумію. Опасности онъ не понималъ и даже старше польскіе эмериты-ветераны съ почтеніемъ рассказываютъ о томъ, какъ онъ штурмовалъ, въ 1831 году, Волю и первымъ взшелъ на ея укрѣпленія.

Не можемъ, однако, умолчать, что заслуги Лидерса не довольно остановили на себѣ вниманіе русскихъ людей, а исторія отозвалась о нихъ весьма поверхностно. Н. В. Бергъ, посвятившій самыя краснорѣчивыя, горячія страницы описанію достоинствъ и дѣйствій генерала Герштенцвейга, вскользь говорить о дѣятельности Лидерса, какъ-будто его пребываніе въ Варшавѣ не имѣло вліянія на существенное измѣненіе въ ходѣ дѣлъ, дозволившее приступить въ послѣдующіе годы къ попыткамъ къ умиротворенію края.

Даже въ некрологѣ, появившемся послѣ кончины Александра Николаевича Лидерса и написанномъ весьма сочувственно, сказано лишь нѣсколько словъ объ этой важной эпохѣ въ его жизни.

Лидерса нѣтъ на свѣтѣ. При жизни онъ имѣлъ враговъ и завистниковъ, но всегда держалъ голову высоко и не преклонялся подъ ударами судьбы. За нѣсколько лѣтъ передъ смертію удалось ему сослужить хорошую службу отечеству, и Россія должна съ благодарностью вспоминать Лидерса за всю его боевую службу, семдесятъ дѣлъ и сраженій, въ которыхъ онъ участвовалъ, а въ особенности за Венгерскую кампанію и намястничество въ Царствѣ Польскомъ—два подвига, показавшіе, что Баярды являются, живутъ и дѣйствуютъ въ русской арміи.

Очевидецъ.